«Злая песня Тиля» и добрый Ким

Кирилл Олюшкин

– Я надавал уже такое количество интервью, что, кажется, каждый второй должен знать мою биографию от и до. А мнение по тому или иному вопросу – тем более. Ладно, пусть кроме вторых узнают и первые, – смеется он.

Он вообще часто и заразительно смеется – свойство цельной и доброжелательной натуры. И не кривит душой: традиционная биография русского интеллигента-шестидесятника действительно легко помещается в нескольких строчках анкеты. Пожалуйста:

Ким Юлий Черсанович, он же Ю. Михайлов (литературный псевдоним), для близких друзей – Юлик.

Родился в 1936 году, в Москве. Профессия – педагог. С 1968 года – свободный художник, автор песен к спектаклям и кинофильмам, пьес, либретто. Вот и все.

ТЕНИН

А Жукова Пушкин спас?

– Юлий Черсанович, одну из своих перестроечных сатир вы снабдили комментарием: «На прошедшем заседании секретариата Союза писателей обсуждалось, может ли нерусский по крови литератор понять нужды и чаяния русского народа. И я задался вопросом: а как быть полукровкам?..» Песня во многом автобиографична?

– Да. Мой отец – кореец Ким Чер Сан, мама – русская, познакомились они в Хабаровске году, наверное, в тридцатом. Потом переехали в Москву, где мама учительствовала, а отец работал переводчиком с корейского на русский и обратно.

Отца я не помню совсем, его арестовали в 37-м, а расстреляли в 38-м. С мамой по существу познакомился в девятилетнем возрасте, когда она вернулась из сталинских лагерей. О контактах с корейской родней тогда не могло быть и речи, так что меня и мою старшую сестру с детства воспитывала семья матери, огромный клан Всесвятских.

Это целая династия настоящих русских интеллигентов. Прадед Василий Павлович был священником Угодско-Заводской церкви в Калужской губернии, в городе, который теперь называется Жуков. Дело в том, что прославленный полководец родом из тех мест, мой прадед его крестил. Но это еще не все. У прадеда было три сына и дочь. Так вот, один из сыновей, родной брат моего деда, став врачом, будущего маршала Жукова вылечил в детстве не то от менингита, не то от полиомиелита, в общем, от чего-то серьезного, сейчас не вспомню. А вот маршал свою хворь помнил, в воспоминаниях фамилию лечащего врача упомянуть не забыл. Поэтому, когда наши великие патриоты начинают кричать о том, что у их семей больше заслуг перед Родиной, чем у моей, я им сразу в ответ: «Э! Да чем вам против моих предков бахвалиться?» (Смеется.)

– Бардом вы стали будучи студентом Московского педагогического?

– Стал сочинять песенки? Да. Но я совершенно не думал, что песня сыграет такую большую роль в моей жизни. Писать стихи – хм! – нет, скажем, рифмовать начал очень рано, лет с десяти. И в институте немедленно поступил в литературный кружок, который гордо назывался Литобъединением. К тому времени объединение блистало именами Юрия Ряшенцева, Юрия Визбора и многих других важных людей. Вот Визбор с Ряшенцевым и отметили меня как юное дарование. И юное дарование потихоньку расцветало, изучало античное искусство и печатало огромные поэмы в стенгазетах. А песенки? Я просто поддался бушевавшей тогда эпидемии. Весь институт распевал самодельные песни двух категорий: визборовские и невизборовские. Мне показали 3 аккорда на семиструнной гитаре, и несколько невизборовских песен я дерзнул сочинить самолично.

Романтик, не заметивший гейзеров

– Значит, к песенному творчеству вы относились в студенческие времена не слишком серьезно?

– Я не сочинял песни, а баловался, играл в это. Недавно пошел выступать и решил предварительно вспомнить все свои песни институтского периода. Набралось всего штук 12–15. Это за пять-то лет! Какое уж тут серьезное песенное творчество… По-настоящему я запел только на Камчатке, там это было потребностью души и отчасти – производственной необходимостью.

– После института вы отправились учительствовать на Камчатку по собственному выбору?

– Было три варианта: Северный Кавказ, Новосибирск и Камчатка. Я выбрал самое дальнее. Еще бы – легендарный край! Никто о нем ничего не знает. Лично я, отправляясь в дорогу, знал только, что на Камчатке есть гейзеры, которых я, кстати, за 3 года работы в камчатском поселке Анапка так и не увидел. (Смеется.)

– А в Москве остаться не могли?

– Думаю, мог бы. Но интересно же, как вы не понимаете! Конечно, когда я в первый раз увидел с самолета мой любимый поселочек, сердце сжалось. Несколько домишек на косе, продуваемой всеми ветрами с четырех сторон. Ни деревца! Зимой эти дома снегом заносило по трубы, летом косу волны промывали насквозь. А вот до сих пор я считаю три камчатских года счастливейшим временем в своей жизни.

Работал я там учителем в полноценной школе с неполноценным количеством учащихся: были все десять классов, но параллельные – «А» и «Б» – только первые. Помню, при мне выпуск в школе был – 5 человек.

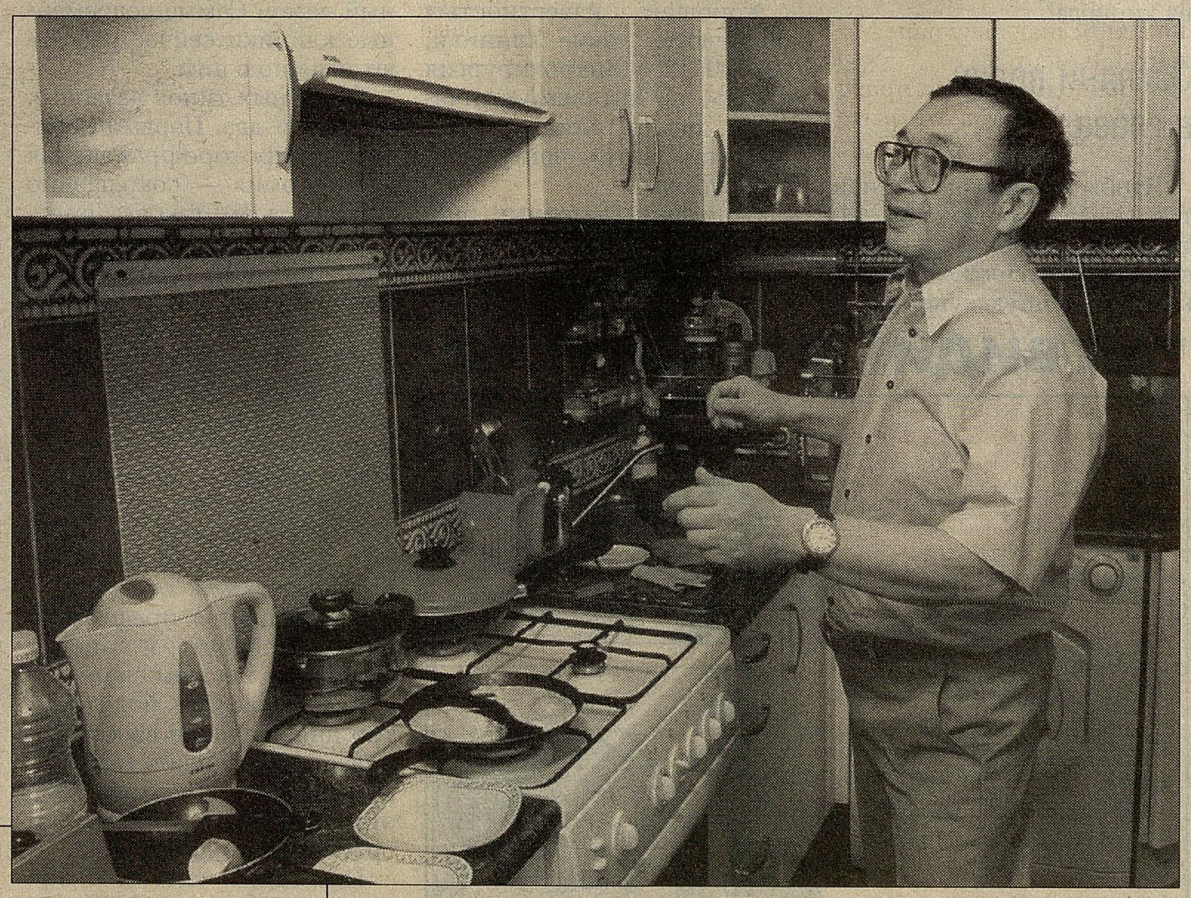
Но отношения между людьми! Самодеятельность цвела. И то сказать: ни телевизоров, ни магнитофонов, не говоря уже о видео. Кино – в клубе, одно и то же в течение месяца, от самолета до самолета. Одна дорога – спивайся на корню. И, к сожалению, немало славного народа по этой дороге отправилось…

Но нашлись отчаянные весельчаки и в школе и на рыбном комбинате – чего только мы вместе не придумали! Я, например, в турпоходах отродясь не участвовал, даже в институте. А на Камчатке даже возглавил пять-шесть такого рода мероприятий. В тундру! В настоящую! К медведям! Вспоминаю и за голову хватаюсь – как это я осмелился!..

– А песни?

– А как же! Я тогда их штук 30–40 насочинял. Более того, появились первые музыкальные композиции со сквозным сюжетом. Почти пьесы! Было, например, грандиозное действо «Мы за мир во всем мире!» (Смеется.) Мы лелеяли честолюбивые мечты завоевать с его помощью все первые места на областном смотре, но пурга помешала: так и не долетел наш самолетик до Петропавловска.

– В Анапке вы чувствовали себя местной знаменитостью?



Место поэта – на кухне

– Нет, что вы! Может быть, только через 20 лет, когда я в 83-м году приехал и устроил два концерта в местном клубе. Пел как земляк и по совместительству московская знаменитость. Даже с некоторым успехом. Хотя я же понимаю, что они предпочли бы видеть вместо меня Аллу Борисовну. (Смеется.) Там народ очень демократичный, для них знаменитость – это которую в телевизоре показывают. А тут чего ж – свой, учитель... Это так, гастролер несерьезный.

Помню, много раньше, во время моего второго визита на Камчатку, я отправился в одиночный поход и ночевал в избушке пастухов. У них был приемник «Спидола», и с утра меня разбудила собственная песня «Фантастика-романтика». Приятное было пробуждение, что и говорить, но какая тут особенная слава? А на следующий день в клубе кино показывали, где мы с Юрием Ковалем эту песню исполняем. Кричишь из темноты: «А вон я! А вон я!» И весь зал с удовлетворением: «Точно. Похож». (Смеется.)

– Вам известны судьбы ваших учеников?

– В связи с моей карьерой педагога вспоминается приятный эпизод: сравнительно недавно Миша Зуев, мой бывший ученик, а ныне процветающий в американском городе Денвере ученый и инженер, объяснился мне в любви как к учителю. Поблагодарил за то, что уже в те времена я старался привить ребятам новый взгляд на вещи, в том числе – на историю страны. Конечно, выслушать такое было очень лестно.

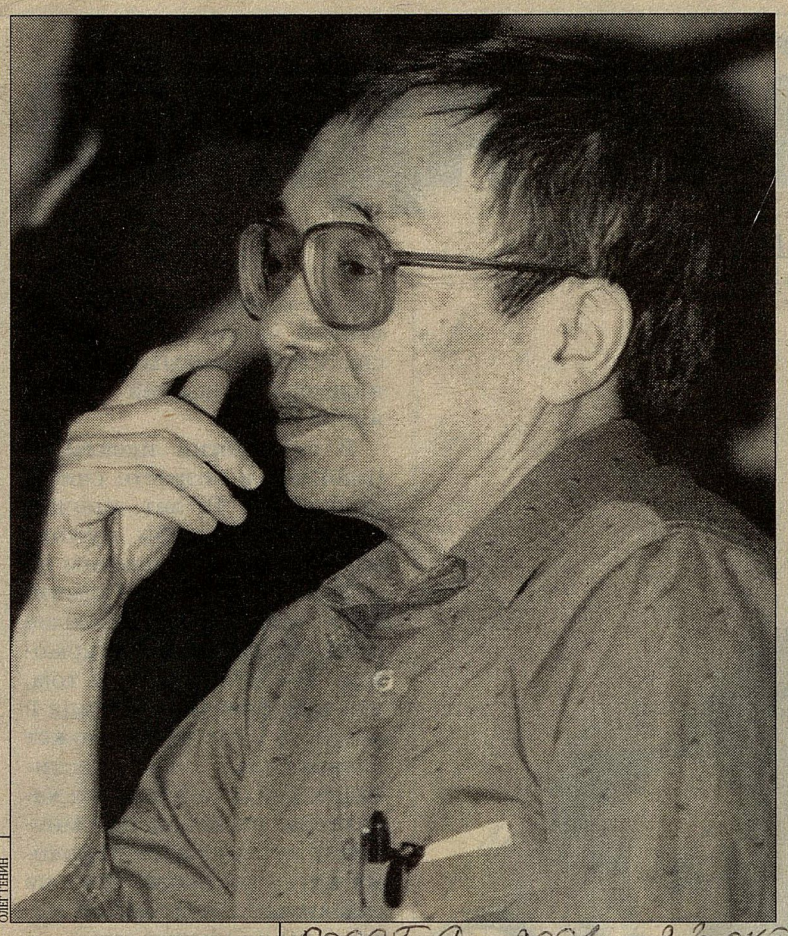
– Почему вы все-таки вернулись в Москву, если так любили Камчатку?

– Просто почувствовалась исчерпанность этапа, хотелось двигаться дальше. Хотя тосковал я по Камчатке страшно. Проработав два года в 135-й московской школе, я, не выдержав, уволился и снова уехал в Анапку, просто для того, чтобы справиться с ностальгией. И проработал там еще полгода, испытал все 33 камчатских удовольствия – от походов до музыкальных постановок, после чего вернулся в столицу уже окончательно – работать в физматшколе при МГУ – с более или менее спокойной душой.

Как Захаров дружил с диссидентами

– Но ведь не с улицы же вас в театр и кино пригласили?

– Была в шестидесятых в Москве неразлучная троица: скульпторы Сидур, Лемпорт и Силис. Юрий Коваль перетаскал к ним в мастерскую всех знакомых, в том числе и меня. Там я познакомился с кинорежиссером Теодором Вульфовичем, он затевал картину «Улица Ньюто-



ОЛЕГ ГЕНИН

С мечтой о романе

РОССІЯ – 2002 – 23 окт. С. 24 – 25.

на, дом 1». По сценарию там два барда развлекают песнями друзей. В ролях бардов и снялись мы с Ковалем, а звучит моя «Фантастика-романтика». Это была первая написанная профессионально, на заказ песня. Не дожидаясь вопроса, скажу сразу: я не вижу особенной разницы в процессе творчества, работаю ли я по контракту

Я, как незабвенный Чапаев, «языкам не обучен», музыкальной грамоты не знаю. Я же не Сергей Никитин

или, что называется, для себя. Половина песен Высоцкого – тоже на заказ. Я уж не вспоминаю шедевры Моцарта. (Смеется.)

– Вы подписывали правозащитные письма, открыто выступая против режима. Рисковали ничуть не меньше Буковского или Максимова. Как случилось, что у Юлия Кима нет славы русского диссидента?

– Объясняется это очень просто. Мое активное диссидентство длилось недолго – всего два-три года. Уже в 1969 году я перестал подписывать правозащитные письма. В саратовском ТЮЗе полным ходом шла работа над спектаклем «Недоросль» с моими песнями. Одна подпись – и работу эту можно было бы считать похороненной.

– И больше серьезных конфликтов с властью у вас не возникало?

– Ну, можно вспомнить 1972 год, когда арестовали моего тестя Петра Якира. Мосфильм расторг со мной сразу три договора. Команду дал начальник киностудии Сизов. Но только он, на студии имени Горького, например, люди оказались покрепче.

Тогда же Марк Захаров работал над постановкой «Тиля». Изначально было задумано, что «Марш Гезов» в этом спектакле прозвучит на стихи Евтушенко. Остальные тексты песен взялся сочинить я. Но успел сделать только четыре: «Злая песня Тиля», «Дорожная песня», «Песня проституток» и «Песня Неле». И тут «сигнал» из Свердловского райкома партии, под чью юрисдикцию тогда попадал театр «Ленком». Захаров не побоялся со мной встретиться. Мы погуляли по Пушкинской площади, и Марк сообщил, что, к его величайшему сожалению, остальные тексты придется заказывать кому-то другому. Но если все будет нормально – в подтексте: если меня не посадят (смеется), – то готовые четыре текста он оставит. Так и случилось. Но моей фамилии на афише не было. Потом, когда гроза прошла стороной, Захаров попытался упомянуть меня в программке, но получил новый окрик из райкома. Хотя я к тому времени был чуть ли не лауреатом Государственной премии, уже повсюду гремел «Бумбараш», а вот тем не менее... Фамилию опять пришлось снять, и всплыла она в связи с «Тилем» значительно позже, уже при Горбачеве.

Мюзикл не потяну

– Вас не видно на конкурсах авторской песни, в составах жюри...

– Я вообще малотусовочный человек. Зван был неоднократно, но не люблю я этого: конкурсы, раздача регалий... Не потому, что дело презренное, просто не по натуре. Этим среди бардов занимаются люди с ярко выраженными задатками лидеров. Легко представляю себе в этом качестве Визбора. О! Вот это был командир, иногда доходящий даже до тиранства. А я больше склоняюсь к типу Булата Шалвовича. Булат публичность недолюбливал, не стремился быть центром внимания.

– Правда, что вы можете определить уровень и потребности зала по одной-единственной спетой песне – о комедиографе Капнисте?

– (Смеется.) В какой-то степени да. Это длиннейшая песня, целиком построенная на всякого рода языковых штучках, скажем так, весьма сомнительных с точки зрения лингвистического пуриста. Там масса скрытых цитат и прочих изысков. И всегда слышно, когда зал оценивает смешком какой-нибудь поэтический «загиб». Знаете, Жванецкий во время выступления иногда замолкает и смотрит в зал. Зал недоумевает – вроде бы ничего смешного не сказано. И тогда Михаил Александрович поясняет: «Господа! Какая фраза, а?!» Вот Жванецкий бы понял, что я сейчас хочу сказать.

Вообще у меня есть дневничок, который я веду, выставляя отметки по пятибалльной системе той или иной аудитории. После каждого выступления. Вдруг да понадобится?..

– И часто зал получает ниже тройки?

– Никогда. Да и тройка-то редкость.

– В связи с переводом текстов мюзикла «Собор Парижской Богоматери» вы попали даже в поп-прессу...

– А ничего интересного, в общем, не расскажешь. Была идея поставить этот мюзикл силами Вахтанговского театра. Я начал делать переводы. Но спектакль не состоялся, тогда упавшее знамя подхватила команда под названием «Метро». Им первые мои переводы понравились, и со мной был заключен контракт. «Метростроевцы» довели дело до конца. Вот и все.

– И как вам мюзикл?

– Хороший. Не нравится только, что авторы запретили творческое освоение своего материала и предпочли тиражирование. Нашего в том спектакле, который можно увидеть в Москве, – сцена, актеры и перевод.

Во время работы над переводом французы очень настаивали на максимальной близости к первоисточнику, хотя мне казалось, что я нахожу эквиваленты, которые будут гораздо ближе русскому зрителю. В стихах оригинала довольно много, например, патетики, в том числе социальной, которая не ложится на русское ухо.

– Не было желания сочинить собственный мюзикл?

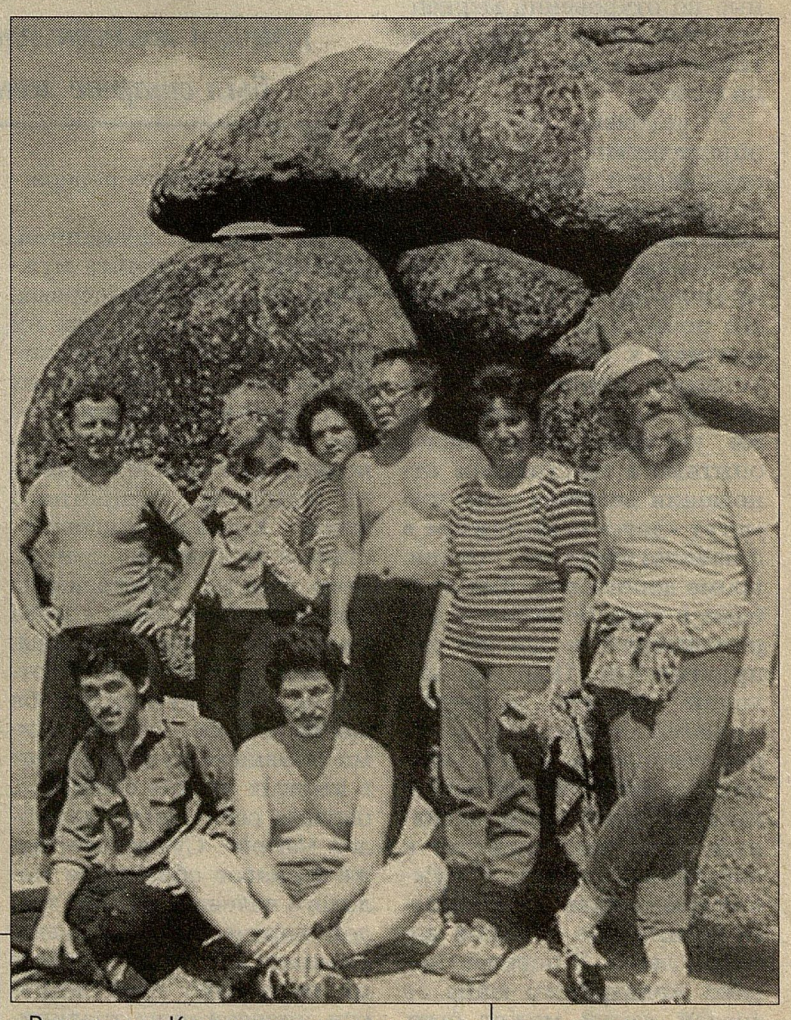
– Как композитор – не справлюсь. По слову незабвенного Чапаева, «языкам не обучен», музыкальной грамоты не знаю. Я же не Щербаков и не Никитин... А как либреттист – охотно. Более того, уже есть готовые либретто, мы с композиторами ждем, кто возьмется воплотить наши замыслы на сцене.

– Значит, в литературе вам осталось освоить только художественную прозу?

– Это моя мечта. У меня есть автобиографические очерки, воспоминания, но хочется взяться и за беллетристику: роман, повесть, рассказ – что получится.

– Замыслом не поделитесь?

– Нет. (Смеется.) Боюсь, как говорится, спугнуть зайца. Уж простите великодушно.



В институте Ким турпоходы презирал